

Э. А. Салихова

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9570-1763

✉ E-mail: salelah12@yandex.ru.

Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению понятий «оскорбительность» и «оскорбление» и их репрезентации в конфликтных текстах. Автор касается вопросов, встающих перед экспертом при проведении лингвистической экспертизы, указана необходимость учета прагматических факторов, в целом экстралингвистической ситуации при анализе факта оскорбления. Актуальность темы обусловлена необходимостью углубленного изучения взаимодействия различных толкований оскорбительности, создающих трудности в квалификации правовой нормы «оскорбление». Исследователи-лингвисты, анализирующие материалы СМИ (в частности, журналистские тексты, официальные, личные письма и обращения и другие продукты речевой деятельности) с лингвоэкспертной позиции, часто сталкиваются с определенным кругом проблем при установлении в том или ином слове негативной (оскорбительной) окраски. Кроме того, недостаточность арсенала лингвистических методов проведения экспертизы по делу об оскорблении порождает необходимость использования комплексного рассмотрения конфликтного текста с позиций и психолингвистики, и когнитивистики, и лингвопрагматики. Несмотря на многочисленные научные и научно-методические исследования в области судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, единой методики по сей день не разработано. Статья призвана продолжить дискуссию по перечисленным вопросам, которая важна для четкого понимания обозначенных аспектов в этой сфере. Приводится аргументация объективной необходимости продолжения исследований в этой области. Автор надеется на востребованность материала публикации при написании лингвистических исследований / экспертиз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диагностика оскорблений; лингвопрагматические методы; негативная оценка; оскорбительность; оскорбления; правовой дискурс; конфликтные тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет; 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12, к. 1-301; e-mail: salelah12@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Салихова, Э. А. Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс / Э. А. Салихова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 198-208. — DOI 10.26170/pl20-03-20.

В лингвоэкспертной методологии укоренилось мнение о том, что без четко сформулированной научной основы решения проблемы «оскорбительности» в праве исследовательский поиск в данном направлении обречен на столкновение с расхождениями в трактовке маркеров оскорбления — юридических, лингвистических, психологических, психолингвистических и пр. Построенное на научных основах исследование позволяет объективировать судебные решения и тем самым повысить роль судебной системы в формировании правового государства.

Нередко лингвист-исследователь, занимающийся изучением продуктов речевой деятельности, вовлеченных в правовое поле, оказывается в плену неоднозначно трактуемых языковых понятий и правовых дефиниций. К сожалению, часто встречаемые терминологические и понятийные расхождения компенсируются допустимыми в экспертизах «языковыми формами» или толкованиями правовых норм.

В настоящее время проблема оскорбительности и речевого оскорбления не получила однозначного решения по нескольким объективным причинам: игнорируется то влияние, которое оказывает *jus naturāle* и благодаря которому меняется понимание оскорбления как прежде всего вербальной агрессии, направленной против индивида [Брусенская, Куликова 2017].

Общепринятая лингвоэкспертная формула «оскорбления» — это «умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме» [Бринев 2016: 56—57], «негативная оценка личности», т. е. оскорбление, как правило, связывается а) с использованием единиц особого инвективного лексикона; б) с социальной оценкой речевого акта оскорбления, которая «логически не выводима и эвристически не соотнесена с семантическим наполнением диспозиции правовой нормы» [Кусов 2011: 16].

Общепризнанным считается, что предметом экспертизы материалов по делам об оскорблении являются лингвистические при-

знаки унижения и неприличной формы выражения, имеющие значение для уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении; объектом — высказывание как продукт речевой деятельности, реализованный в устной или письменной форме, имеющий смысловое содержание и коммуникативную цель. Основная задача специалиста сводится к выявлению в тексте лингвистических признаков унижения и неприличной формы его выражения. К задачам судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении специалисты относят: 1) выявление нарушения правила легитимности в общении — «соответствует ли способ и канал коммуникативной трансляции языкового кода уровню порога стилистической оправданности»; 2) установление события достоверности коммуникативной перверсии: конфликтное высказывание содержит мнение или утверждение (юридический факт); 3) констатация юридического события перверсивной достаточности: а) уголовно-правовая норма — неприличная форма, гражданско-правовая норма — порочащий характер сведений (правовой критерий), б) определение степени коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности (лингвистический критерий), т. е. способности информации влиять на социальную привлекательность лица, подвергшегося вербальной перверсии [Шабанов 2010: 176].

В научной литературе привлекают внимание следующие выделенные подходы в проведении лингвистической экспертизы по конфликтным текстам (см. подробнее: Г. В. Кусов [2011]): 1) описание намерений автора, представляющее интерес в рамках теории речевого акта, так как данная методика не несет никакой правовой нагрузки, поскольку лингвистическая экспертиза является средством доказывания по уголовным или гражданским делам в рамках ст. 80 УПК РФ или ст. 79-87 ГПК РФ; 2) анализ приемов и способов, ведущих к оскорблению, характеристика «наиболее частотных ходов тактик нанесения обиды, издевки и оскорбления»; 3) изучение совокупности этнических, психологических, моральных и этических составляющих концепта «оскорбление», опирающееся на общую концептуальную модель оскорбления, основанную на нормах морали, этики, поведения человека в обществе.

В судебной практике оскорбление пере-квалифицировано из преступления (уголовное право) в деликт (гражданское право). Лингвоюридический инструментарий не совершенен, а методы диагностики оскорбления в полном объеме не систематизирова-

ны. В исследовательское поле юрислингвистики попадают проблемы разграничения таких понятий, как «оценка» и «оскорбление», «факт» и «мнение», а также соотношение интерпретации и истинности [Брусенская, Куликова 2017].

Диагностика оскорбления через анализ негативной оценки личности, как показывает опыт ученых из лаборатории юрислингвистики (г. Барнаул и др.), практика ГЛЭДИС, выявляет такие составляющие оскорбительности, как уровень нанесенного обидой психического вреда и описание морального вреда; намерение адресанта оскорбить, что для рассматриваемой категории в праве не так существенно. Полагают, что последнее связано с весьма ограниченной в законе компенсацией морального вреда.

Мы наблюдаем все усиливающийся спрос на такие рекомендации, которые помогли бы избежать правовых рисков. СМИ регулярно поставляют конфликтные тексты, следовательно, нужны превентивные меры. Одной из задач обеспечения речевой безопасности на сегодня является эффективная защита не только физического лица, но и организации, ее имиджа, равно как и надлежущая защита руководства и сотрудников (персонала) учреждения от негативной информации в их адрес со стороны средств массовой информации.

С экспертно-аналитической точки зрения конфликтногенную зону современного медиапространства можно квалифицировать, с одной стороны, как фрагмент социально-дискурсивного поля, который отражает происходящие в нем «коммуникативные битвы и схватки», чьи участники (журналисты — авторы публикаций, в том числе «заказных», и их герои) как субъекты сетевой социально-культурной системы, нарушая нормы речевого поведения, в последующем выступают как истцы/ответчики в судебных процессах (по защите чести, достоинства и деловой репутации — ст. 152 ГК РФ или по клевете и оскорблению — ст. 129, 130 УК РФ). С другой стороны, современные СМИ — это лингвозологическая среда, обладающая публичностью. Признаки последней выявляются экспертами в публикуемой информации — спорном тексте. Безусловно, журналист отображает тесно увязанную с развитием экономических, социально-политических отношений и новаций динамику общества. СМИ, излагая некоторые сведения, информацию, оказывают существенное воздействие на тот или иной объект своего внимания, на оценочное отношение общества к этому объекту, на его репутацию и т. п. Информация, как известно, может быть поло-

жительной, отрицательной и нейтральной. Информация отрицательная (негативная) — сведения, которые содержат отрицательные характеристики лица — юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения. Информация, отрицательно характеризующая лицо с правовой точки зрения, содержит *негативную оценку* в той мере, в какой это может быть понятно любому дееспособному гражданину, не обладающему специальными познаниями в сфере права. Негативный информационный повод в СМИ всегда имеет свои особенности: цели, тематику, форму, жанры и т. п. Появление любого негативного материала исключает случайность. Материализовавшийся негативный материал СМИ — это результат спланированной или спонтанной, злонамеренной или объективной, событийной или аналитической акции в адрес субъекта/объекта публикации.

Судебная практика показывает, что в лингвистическом исследовании (экспертизе) важно раскрывать признаки оскорбительности, отображающие прямые индексы оскорбления. К таковым относится *социальная оценка*. Оскорбление — это «не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности „чести и достоинства“ конкретного индивида как общечеловеческого достояния, общечеловеческой ценности» [Кусов 2011: 18].

Одной из необходимых характеристик социальной нормы является императивность. Эта категория обозначает следующее: не соответствующее правилу социальное поведение вызывает негативную социальную оценку, поскольку социальные нормы, включая в себя различные предписания, в совокупности образуют сферу должного. Вынося свою оценку тем или иным явлениям, событиям или людям, человек придерживается именно этих предписаний. По этой причине негативная лексика придает имиджу личности высокую степень непривлекательности, ведь дана отрицательная социальная оценка. Иными словами, наложена своего рода «печать» официального отлучения и общественного отторжения [Там же]. Мы можем говорить о том, что языковые единицы с негативным значением включены в социальную оценку личности семантикой коллективного осуждения. В таком аспекте рассуждения оскорбление — это не только оценка по шкале «хорошо — плохо», но и своего рода публичный общественный отказ личности пользоваться гарантированными социумом правами и привилегиями, обеспе-

чивающими устойчивость социального статуса человека. Разумеется, подобное покушение на общественное признание приводит к тому, что может пострадать социальная устойчивость индивида и его «реноме» как оскорбленного человека.

Таким образом, оскорбление всегда социально, поскольку это качество причиняемого социального вреда. В таком понимании «оскорбление — это причинение обиды чувствам самокритичной личности, не допускающей определения ее социальной значимости ниже порога восприятия общепринятых форм приличия» [Кусов 2011: 20].

При юридической квалификации оскорбления подлежат оценке: а) определение социальных ценностей, которым наносится ущерб (определяется вид общественных отношений); б) способы и приемы оскорбления. Для юриста важна составляющая, которая квалифицирует то или иное деяние, в то время как для специалиста-лингвиста центральными вопросами при исследовании продуктов речевой деятельности на предмет наличия/отсутствия признаков оскорбления являются вопрос о форме передачи информации (приличная/неприличная), а также вопрос о ее (информации) адресованности конкретному лицу. На экспертизу предоставляются печатные и устные тексты, а также фразы, слова, словосочетания, установленные в ходе судебного разбирательства.

В языке лингвистики формула оскорбления выглядит примерно следующим образом: «Это языковое явление можно / нельзя рассматривать как оскорбление, потому что X обладает / не обладает такими-то свойствами», в языке юриспруденции — «Этот факт квалифицируем как оскорбление, поскольку он обладает следующими признаками... Относительно конкретной нормы такой-то признак несуществен, а потому должна применяться эта, а не другая норма или санкция». Одной из важных задач является юридическая регламентация обценной лексики. Правовая квалификация таких единиц в публичном выступлении, медийном материале и т. п. в качестве оскорбительного — задача, требующая обязательного применения лингвистических (психолингвистических, прагмалингвистических и пр.) познаний не только в случаях использования инвектив или камуфляжа унижающих честь и достоинство физического лица / деловой репутации юридического лица высказываний, но и в случаях их прямого и однозначного толкования, включая тексты, иллюстрированные изобразительными (кариатурами, рисунками, мемами) средствами или элементами компьютерной графики, видео-, фонограм-

мами и т. д.

Обратимся к конкретному примеру из лингвоэкспертной практики.

Анализу подвергался текст статьи, в заголовке которой «Большой хапок: кому и как уходит имущество Башкирии...» неоднозначное в среде лингвистов толкование в содержательном контексте всего опубликованного материала вызвало слов «хапок». Мнения разделились. Поскольку словосочетание «*большой хапок*» используется в заголовочной части текста, выполняющей функцию обозначения социальной проблемы, в сочетании с элементами высказывания «кому и как уходит имущество Башкирии», «схема организованных связей и ролей в отчуждении имущества Башкирии» оно получает отрицательную коннотацию и изменяет модальность высказывания. Конституирующий характер заголовка и используемая в подзаголовочной части аллюзия (*В обывательском сознании распространена мысль, что приватизация эпохи первоначального капитала, сравнимая с разграблением государственного достояния, характерна для 90-х годов. Однако текущие процессы в нашей республике со своими и примитивными схемами говорят об обратном. „Прихватизация“ Башкирии с ее классическими чертами участия чиновников, силовиков и бандитскими методами, похоже, активно реализуется у нас в последние годы. А следы ведут к самым высоким министерским и правительственным кабинетам*) ориентируют читателя на негативное восприятие тех, кому «уходит имущество», кто играет особые «роли в отчуждении имущества Башкирии», нацеливает на критические размышления в заданном автором публикации направлении.

«Хапок» — производное от глагола «хапнуть» — «разг. 1. Быстро схватить. 2. Взять, присвоить незаконным образом (обычно о нетрудовых доходах или чужом имуществе)» [Словарь русского языка 1999]. Один из тематических блоков статьи построен на критическом описании образа руководства обозначенного в статье учреждения, которое, не подчиняясь Госкомтрансу РБ, нарушает законодательство. Выразительные средства (сравнение с бандитскими методами девяностых, жесткие эпитеты, метафоры и пр.) помогают создать и укрепить в сознании читателя образ чиновника из схемы организованных связей и ролей в отчуждении республиканской собственности. В контексте пресуппозиции приводятся авторские мнения и оценки деятельности организации, что потенциально предопределяет негативное отношение читателей к действиям и поступ-

кам не только главных персонажей статьи, но и организации, которые не хотят работать согласно принятым этическим нормам и стандартам управленческой деятельности. В текстах нескольких публикаций по этой теме присутствует подробное описание выявленных автором организованных связей и конкретизация лиц, выполняющих определенные роли в незаконном отчуждении имущества Башкирии, что свидетельствует об инвективности контекста и дискредитационном характере статей.

Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимым признаком является неприличная форма. Однако инвективы — очень большой класс слов, как входящих в литературный язык, так и находящихся за его пределами [Матвеева 2013]. К инвективам в широком их толковании в том числе относятся [Понятия чести, достоинства и деловой репутации... 2004]: 1) констатирующие номинацию лица, обозначающие негативную с точки зрения общества деятельность; 2) слова и сочетания, в самих значениях которых содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо; 3) слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо и пр. С этой точки зрения лингвистов, пытающихся показать, что такая инвектива в контексте способна раскрыть свой оскорбительный потенциал в той степени, что начинает страдать имидж организации или самооценка, самоуважение личности, обвиняют в обыденном понимании оскорбления, в недостаточной компетентности. В конечном итоге цель лингвистического исследования сводится к подтверждению сугубо юридической квалификации оскорбления, хотя именно суд на основе полученных заключений должен определить (в частности, в рамках защиты чести в порядке, предусмотренном статьей 152 ГК РФ), в какой степени правомерно потерпевший чувствует себя оскорбленным. Истец должен объяснить, на чем основано испытываемое им чувство оскорбленности (обиды), какие его права нарушены. Толкование нормы закона об оскорблении свидетельствует о том, что унижение чести и достоинства возможно и средствами, не имеющими неприличную форму (статья 5.61 «Оскорбление» в Кодексе РФ об административных правонарушениях).

Некоторые специалисты отрицают оскорбительный характер слова «хапок», ссылаясь на разные лексикографические определения, чтобы показать отсутствие помет, являющихся формальными показателями отнесения/неотнесения языковой единицы к группе оскорбительной оценки

личности. Безусловно, лингвист должен и обязан опираться в своем исследовании на имеющиеся словарные дефиниции и содержащиеся в них пометы. Тем не менее существует еще один аспект в описании феномена оскорбления. Нельзя не согласиться с утверждением профессора, заведующего лабораторией юрислингвистики и документоведения Кемеровского госуниверситета, главного редактора журнала «Юрислингвистика» Н. Д. Голева: «Категория инвективности — сложнейшая лингвистическая проблема. Лексический ее выход — наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) разворачивание инвективного фрейма — задача более сложная, так как здесь сопрягается множество факторов, некоторые из которых относятся к имплицитным сферам речи» [Голев 1999: 18]. Текстовый подход (отметим, что слово «текстовый» в данном случае мы употребляем не терминологически, а с тем, чтобы показать его противопоставленность подходу, в котором базовой единицей анализа является слово) представлен вариантами стилистического анализа и деятельностно-прагматического.

Отнесение слова «хапок» к разряду единиц, «могущих ущемлять честь, умалять достоинство и наносить вред репутации характеризуемых лиц, если факты, излагаемые в обосновании оценок, оказываются вымышленными» обусловлено причислением этой единицы к третьей группе «слов и выражений, обозначающих *действия* или качества, свойства *кого-либо* или *чего-либо*» [Культура русской речи 2007: 209; Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004]. В этих известных для филологов источниках отмечается, что использование таких единиц в сфере публичного и формализованного публичного (СМИ, а также деловое, научное, профессионально-техническое и т. п.) общения может рассматриваться как оскорбление.

Не принимается во внимание, что слово «хапок» входит в заголовок статьи «Большой хапок: кому и как уходит имущество Башкирии...» и выполняет субъектно-уточняющее и конкретизирующее значение — «кому» (читатель расположен узнать из текста статьи, кто конкретно «хапает», какие лица) и «как» (узнать, каким образом «хапает» — о способах присвоения и воровства). Давая оценку действиям героев публикации, на уровне заголовка автор дает им обобщенную характеристику, поскольку причисляет их к классу «социально неодобряемых лиц» [Культура русской речи 2007: 209]. Это обстоятельство также является одним из диа-

гностических признаков оскорбления. Оскорбительными, или порочащими честь и достоинство человека, считаются также негативно-оценочные высказывания оскорбительного характера. При этом негативные оценочные высказывания, как и любые оценочные высказывания, не могут рассматриваться с точки зрения достоверности, то есть соответствия передаваемой ими информации действительности, «так как являются выражением личного мнения, взглядов. Они недопустимы лишь в том случае, если используются бранные слова, а также конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской. Как правило, в словарях такие единицы помечены маркерами „грубое“, „бранное“» [СОДЭКС URL]. Основная задача лингвиста-эксперта, как отмечалось, в результате проведения исследования заключается в установлении наличия грубой лексики; наличия контекста, в котором оскорбительный характер этой лексики актуализируется; адресованности к конкретному лицу; ее публичном использовании [Стернин 2015].

Отглагольное слово «хапок» не имеет неприличной (нецензурной) формы, но выражаемое им значение противоречит правилам речевого поведения, принятым в обществе, содержит сему «незаконного присвоения». Значения лексем с негативным компонентом, по классификации, относятся к классу так называемых «инвективно нежестких» языковых средств — лексем или их сочетаний, которые составляют группу грубой лексики, способной в публичном контексте реализовать свой оскорбительный потенциал [Бринев 2009: 100]. «Хапок» — слово из перечня единиц наряду с «вор», «мошенник» и подобными, могущими носить в адресации к лицам и их действиям с обобщенной отрицательной оценкой оскорбительный для них характер. Эти слова находятся на противоположной стороне шкалы инвективности по сравнению, например, с «инвективно жесткими» — нецензурными, бранными словами лишь по степени оказания «перлокутивного эффекта», т. е. того воздействия, которое данное высказывание оказывает на адресата.

В настоящее время в лингвистической экспертологии не вызывает сомнений наличие одной абсолютной нормы по отношению к языковым средствам, а именно: в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обценных (нецензурных) слов и выражений, а также форм, содержащих ненормативность (выходящую за пределы норм литературного языка). Употребление последних оценивается

как неприличное по критерию лингвистической квалификации оскорбления как формы речевого поведения, и в данном случае не является важным, в какой языковой форме (обценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление [Голев: <https://lektsii.org/8-7121.html>].

Специальные лингвистические знания нужны именно тогда, когда семантика сказанного или написанного текста неочевидна, смысловое содержание речевого факта требует уяснения, необходимо выявить прагматику текста, его стилистическую или эмоционально-экспрессивную окраску. Экспертное исследование «актуально, когда контекст не снимает языковой неопределенности, не позволяет однозначно эксплицировать смысл слова или высказывания» [Галяшина URL].

Решение вопросов словесного оскорбления, защиты чести и достоинства сопряжено, как указывалось выше, с немалыми трудностями, проистекающими из их юрлингвистической и лингвоюридической неразработанности. Даже в простейших случаях, когда требуется дать квалификацию инвективности отдельного слова, эксперт не имеет другой возможности для объективного (законного) обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего на пометы толкового словаря. Тем не менее «филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию», не «имеет законного права» быть основанием следственных и судебных решений [Голев 1999: 53]. Автор словаря в данном отношении слишком волен, пометы в словаре слишком прихотливы и приблизительны, чтобы выполнять роль правового документа. Лингвист, разумеется, не может не отстаивать права автора речевого произведения (текста статьи) на творческое отношение к языку (на переносное употребление слова, смену его стилистического регистра и т. п., в том числе диапазона инвективности), но, видимо, должна быть разработана и определенная «техника безопасности» использования слова (и в первую очередь инвективного), которое, как известно, есть еще и сильное оружие, способное унижить человека. Перспективным в этом смысле представляется обоснование классификаций обценных слов по степени инвективности.

Известно, какую большую роль в квалификации речевых поступков играет оценка их мотивов. Автор изощренного оскорбления практически всегда может уйти от ответственности, сославшись на то, что он не то имел в виду, что его не так поняли. Такой способ поведения реализует приемы «не-

прямого воздействия на слушателя или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами». К таким приемам относится, в частности, воздействие при помощи речевых импликатур. Он состоит в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости „отпереться“ от имплицитного утверждения...» [Голев 1999: 54].

В дополнение к своим рассуждениям хотелось бы выделить еще один немаловажный момент: глаголы типа «тащить», «хапнуть», «запихивать» и их производные в своих первичных значениях нейтральны и лишены каких-либо негативных коннотаций. Их объединяет наличие указания на *количественную оценку* в основном значении (см. «большой (хапок)» — «1. Значительный по размерам, величине и силам...» в [Ожегов 1989: 48]). Подобные глаголы предполагают действие, требующее затрат сил и времени: ср., например, «тащить» используется, когда речь идет о тяжелых предметах; «хапнуть» — о большом и ценном, о выгодном и незаконном. Специалист-филолог из Института русского языка им. А. С. Пушкина М. Я. Гловинская отмечает, что эти глаголы и отглагольные производные используются не буквально, а гиперболически, т. е. когда затрачиваемые усилия выходят за границы нормы, эта гиперболичность придает высказыванию *неявную агрессивность* [Гловинская 2004: 71—72]. Как правило, в гиперболическом употреблении такие слова передают *скрытое агрессивное отношение* к адресату [Апресян 2003: 34]. Интересно отметить, что для имплицитного выражения используются иные языковые средства: ср. основное агрессивное значение слова «идиот» и маргинальное медико-терминологическое значение этого же слова. Имплицитно агрессивные слова, напротив, имеют отрицательные коннотации. Если исходить из установленной семантически-имплицитной характеристики слова «хапок» (как производного от глагола «хапнуть»), то его можно отнести к средствам выражения речевой агрессии, грубости. Под «речевой (вербальной) агрессией» понимают форму «речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Русский язык и культура речи 2008: 132]; «использование языковых средств для

выражения неприязни, враждебности»; манеру речи, оскорбляющую «самолюбие, достоинство» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 340]. Речевая агрессия может быть направлена как на прямое оскорбление собеседника, так и на «формирование негативного отношения аудитории к какому-либо третьему лицу» [Русский язык и культура речи 2008: 133], явлению действительности» (см. подробный обзор по данной теме в работах нижегородских филологов: [Щеникова, Вологина 2014: 250—251]).

Проявление явной или скрытой речевой агрессии в текстах публицистического стиля еще раз показывает дискредитационную направленность материала, который, во-первых, изначально нацелен на формирование общественного мнения и, во-вторых, воспринимается многими носителями языка как образцовый, т. е. формирует в сознании наших современников представление о языковой и речевой норме.

Упомянутая в многочисленных рекомендациях по проведению подобных экспертиз «Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении» [Изотова, Кузнецов, Плотнокова 2016] и подобные публикации, конечно, должны учитываться в работе специалистов с учетом новых разработок в языковедении, текстологии и стилистике текста. Предлагаемый в указанной и некоторых других «Методиках...» подход — лексикоцентрический (см., в частности, схему-алгоритм выявления признаков неприличной формы слова/фразеологизма на с. 97), исключая принципы текстоцентрического подхода. Признается, что эти два подхода представляют собой два различных аспекта в описании одного и того же предмета. В рамках второго подхода анализируемые речевые действия, о чем говорилось выше, в совокупности составляют речевой поступок конфликтного характера. Однако далеко не всякие речевые действия становятся речевым поступком. Речевой поступок — это намеренно созданное письменное/устное высказывание, отражающее нравственную позицию коммуниканта (автора статьи), цель которого — воздействовать на адресата (читателя) в ситуации общения — письменной формы коммуникации (повлиять на мнение, на его отношение к чему-либо или кому-либо, на принятие им решения и т. п.).

Конфликт в общепотребительной трактовке подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации (в том числе письменной и в разных жанрах — статьи, переписки,

разоблачительной статьи, жалоб и пр.) по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые являются в ситуации устного/письменного общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими средствами языка и речи. Такие речевые действия пишущего/говорящего — субъекта речи (автора статей) определяют речевое поведение других участников коммуникации — субъектов (героев публикации) и адресанта (читателя) информации. Первые, осознавая, что указанные речевые действия направлены против их интересов, предпринимают ответные речевые действия и поступки, выражая отношение к предмету речи посредством составления и подачи исков в суды, жалобы и пр. Вторые могут выражать свое отношение через поддержку (восхищение/отрицание, отзывы в аккаунтах, лайки и комментарии на порталах газеты) одного из участников коммуникации или оставаться толерантными и безразличными. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой/коммуникативный конфликт [Муравьева 2002].

Выводы лингвистических экспертиз отражают не только то, какой текст содержит негативные компоненты, имеющие оскорбительный характер и могущие ущемлять честь и достоинство человека, деловую репутацию организации, но и описывают саму ситуацию использования языковых средств — другими словами, то речевое событие, которое имело место в действительности и называется в лингвистике словом «оскорбление».

Нет никаких оснований, как считают эксперты, помимо собственно лингвистических, что связаны с отсутствием описания оскорбления, «исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления» [Бринев 2009: 82]. Как описано в «Методиках проведения судебной лингвистической экспертизы» и справочной литературе, юрист оценивает при этом не термин «оскорбление», а то, что произошло, и оценивает произошедшую ситуацию юридически, решая вопрос о том, достаточно ли тех признаков, которые были выявлены лингвистом.

Экспертиза назначается не для того, чтобы дать оценку лексическим средствам, а с целью определения того, какой урон они представляют в «активированном виде», т. е. имеют ли отрицательные последствия в форме речевого акта для лица / для учреждения, в адрес которого они используются или характеризуют его. К сожалению, в имеющемся формате вопросов для проведения

исследований по унижению чести и достоинства человека, деловой репутации организации, по мнению Г. В. Кусова, происходит явная подмена предмета доказывания по причине того, что «в русской лингвокультуре отсутствие мелиоративной оценки уже есть „негативная оценка личности“» [Кусов 2011: 18]. Такая логическая ошибка придает отпечаток субъективности экспертному заключению.

Во избежание субъективности в экспертизах подобного рода считаем необходимым исследование подобных текстов как продуктов речевой деятельности проводить комплексно — с дополнительным применением особого психолингвистического методического инструментария и специальных лингвопрагматических процедур. Необходимо вероятностный прогноз воздействия конфликтного текста на аудиторию, которая формирует репутационный статус физического лица или предприятия. Необходимо понимание намерений автора, а также его мотивов. Важными компонентами являются характеризующие и определительные признаки вербальных моделей (предложений, слов, текста целиком) и сопровождающих текст аудио- или визуальных образов. Именно эти недостающие компоненты восполняет комплексная лингвистическая и психолингвистическая экспертиза [Рогожникова 2018]. В лингвистической экспертизе могут отсутствовать те единицы анализа (например, имеющиеся речевые импликатуры — скрытые смыслы, которые воздействуют на аудиторию в заданном автором направлении; экспрессивная составляющая сложного (поликодового, креолизованного) текста и мн. др.), которые объективно характеризовали бы влияние конфликтного текста или отдельных предложенных для рассмотрения фраз на читательскую/зрительскую аудиторию. В связи с появлением новых объектов исследования (например, сообщения в сети «Твиттер», СМС-сообщения, доменные имена, никнеймы, сопровождающие печатный текст карикатуры, аудио- и видеотексты и др.), а также с видоизменением традиционных объектов (трансформации письменного текста в текст «Живого журнала» или блога, дискурс социальных сетей) происходит процесс укрупнения рода судебной лингвистической экспертизы в самостоятельный класс [Соколова 2015: 69—70]. Интеграция и дифференциация специальных знаний в области лингвистики позволяют характеризовать ее как изменяющуюся категорию, на что неоднократно указывала Е. И. Галяшина [Галяшина URL]. Внутри класса судебной лингвистической экспертизы происходит формирование отдельных родов и видов в соответ-

ствии с особенностями объектов, экспертных задач и используемых при их решении специальных знаний. По нашему мнению, отнесение психолингвистической экспертизы, имеющей специфический исследовательский инструментарий, к подвиду лингвистической некорректно, так как сужает круг исследуемых объектов и искажает характер специальных знаний эксперта-речевода. Любая терминологическая дифференциация и усложнение научного аппарата, как и усложнение методологии исследования, обычно свидетельствует о развитии теории и позволяет более точно выразить научные оттенки лингвоюридической практики, объединить язык и право на глубинном уровне. Для этого также важно изменить формат адресованных специалисту вопросов, исключая исследовательскую субъективность и обеспечивающих достаточность признаков, по которым юрист квалифицирует ситуацию как деяние, которое в юриспруденции называется словом «оскорбление».

Расширение контекста лингвистического в исследованиях по делам об оскорблении, его направленность на внешнюю прагматическую ситуацию с учетом специфики когнитивных процессов, а также психолингвистических, психологических, социокультурных правил и стратегий понимания и порождения речи обусловлены не только значимостью названных явлений, но и кардинальными изменениями социального заказа в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, В. Ю. Имплицитная агрессия в языке / В. Ю. Апресян. — Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Москва, 2003. — С. 32—35.
2. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : моногр. / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул, 2009. — Текст : непосредственный.
3. Бринев, К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе / К. И. Бринев. — Москва : Либроком, 2016. — Текст : непосредственный.
4. Бредемайер, К. Искусство словесной атаки: практическое руководство : пер. с нем. / К. Бредемайер. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. — Текст : непосредственный.
5. Брусенская, Л. А. Квалификация оскорбления в контексте правовой культуры / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. — Текст : непосредственный // Правовая культура. — 2017. — № 4 (31). — С. 43—50.
6. БТСРЯз = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл.ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : РАН, ИЛИ : Норинт, 2007. — Текст : непосредственный.
7. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции / Е. И. Галяшина. — URL: <http://отрасли-права.рф/article/18841> (дата обращения: 03.03.2020). — Текст : электронный.
8. Гловинская, М. Я. Гипербола как прием и оправдание речевой агрессии / М. Я. Гловинская. — Текст : непосредственный // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. — Москва, 2004. — С. 69—76.
9. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистиче-

ском освещении / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. — Барнаул, 1999. — С. 11—58.

10. Голев, Н. Д. Проблемы экспертной квалификации неприличной формы / Н. Д. Голев. — URL: <https://lektsii.org/8-7121.html> (дата обращения: 03.03.2020). — Текст : электронный.

11. Грачев, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза / М. А. Грачев. — Москва : Флинта, 2016. — Текст : непосредственный.

12. Изотова, Т. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 1. — С. 92—98.

13. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : ЛКИ, 2008. — Текст : непосредственный.

14. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юридический мир, 2006. — Текст : непосредственный.

15. Кара-Мурза, Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С. 47—73.

16. Кукушкина, О. В. Теоретические и методологические основы психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секеераж. — Москва, 2011. — Текст : непосредственный.

17. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — Москва : Наука, 2007. — Текст : непосредственный.

18. Кусов, Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики / Г. В. Кусов. — Текст : непосредственный // Российский судья. — 2011. — № 9. — С. 15—19.

19. Матвеева, Н. О. Оскорбление — унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме / Н. О. Матвеева. — 2013. — 22 авг. — URL: http://lingva-expert.ru/expert_says/notes_experts/ob-oskorblenii-matveeva-o-n/ (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

20. Муравьева, Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. — Москва, 2002. — Текст : непосредственный.

21. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Русский язык, 1989. — Текст : непосредственный.

22. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы : для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристов-консультантов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — Москва : Медиа, 2004. —

Текст : непосредственный.

23. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : Медиа, 2004. — Текст : непосредственный.

24. Рогожникова, Т. М. Суггестивность вербальных моделей в психолингвистическом контексте / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск, 2018. — № 1 (28).

25. Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.

26. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. — URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/халнуть> (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

27. СОДЭКС : сайт МГЮА им. Кутафина. — URL: <http://sodeks.ru/public/f11.htm> (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

28. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза как новый род лингвистической экспертизы / Т. П. Соколова. — Текст : непосредственный // Язык и право. — Москва, 2015. — С. 69—77.

29. Стернин, И. А. Оскорбление и оскорбительное словоупотребление: проблемы разграничения в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин. — 2015. — 6 апр. — URL: <http://lingva-expert.ru/articles/Oskorblenie-oskorbitelnoe-slovou-potreblenie/> (дата обращения: 11.03.2020). — Текст : электронный.

30. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва, 2003. — Текст : непосредственный.

31. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности : учебно-методическое пособие / сост. Л. З. Подберезкина, Е. Ю. Федоренко. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2012. — Текст : непосредственный.

32. Шабанов, М. М. Особенности проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / М. М. Шабанов. — Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. — 2010. — № 2. — С. 175—179.

33. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. — Челябинск : Энциклопедия, 2008. — Текст : непосредственный.

34. Щеникова, Е. В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина / Е. В. Щеникова, Е. В. Вологина. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 6. — С. 249—256.

E. A. Salikhova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9570-1763

 E-mail: salelah12@yandex.ru.

Linguistic Expertise of the Degree of “Insulting Potential” of Lexical Units Used in Legal Discourse

ABSTRACT. *The article deals with the concepts of “insulting potential” and “insult” and their representation in conflict-ridden texts. The author tries to answer the questions which an expert faces when conducting a linguistic expertise and states the necessity to take into account pragmatic factors, as well as the extralinguistic situation as a whole, when analyzing the fact of insult. The urgency of the topic can be attributed to the need for an in-depth study of the interaction of various definitions of offensiveness, creating difficulties in qualifying the legal norm “insult”. Linguists-researchers analyzing media materials (for example, journalistic texts, official letters, personal letters and messages, and other textual materials) from the position of linguistic expertise often encounter a certain range of problems when establishing a negative (insulting) coloring in a certain word. In addition, the deficit of the arsenal of linguistic methods of conducting expertise in the case of an insult makes it necessary to carry out a comprehensive examination of the conflict-ridden text from the point of view of psycholin-*

guistics, cognitive science and linguo-pragmatics. In spite of numerous works in the field of theory and practice of forensic linguistic expertise in cases of insult, no unified methodology has been developed to this day. The article is expected to continue the scientific discussion of these issues, which is imperative for a clear understanding of the issues touched upon in this study. The author hopes the publication material may be used by those conducting linguistic studies or examinations. The author argues it is necessary to continue research in this sphere and hopes her study will be demanded by the colleagues.

KEYWORDS: diagnostics of insult; linguo-pragmatic methods; negative evaluation; insulting potential; insults; legal discourse; conflict-ridden texts.

AUTHOR'S INFORMATION: Salikhova El'vina Akhnafovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Verbal Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia.

FOR CITATION: Salikhova, E. A. Linguistic Expertise of the Degree of "Insulting Potential" of Lexical Units Used in Legal Discourse / E. A. Salikhova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 198-208. — DOI 10.26170/pl20-03-20.

REFERENCES

1. Apresyan, V. Yu. Implicit Aggression in the Language / V. Yu. Apresyan. — Text : unmediated // Computer Linguistics and Intellectual Technologies. — Moscow, 2003. — P. 32—35. [Implitsitnaya agressiya v yazyke / V. Yu. Apresyan. — Tekst : neposredstvennyy // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. — Moskva, 2003. — S. 32—35]. — (In Rus.)
2. Brinev, K. I. Theoretical Linguistics and Judicial Linguistic Expertise : monograph / K. I. Brinev ; under the editorship of N. D. Golev. — Barnaul, 2009. — Text : unmediated. [Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza : monogr. / K. I. Brinev ; pod red. N. D. Goleva. — Barnaul, 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Brinev, K. I. Handbook of Forensic Linguistic Examination / K. I. Brinev. — Moscow : Librocom, 2016. — Text : unmediated. [Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize / K. I. Brinev. — Moskva : Librokom, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Bredemayer, K. The Art of Verbal Attack: A Practical Guide : transl. from German / K. Bredemayer. — Moscow : Alpina Business Books, 2005. — Text : unmediated. [Iskusstvo slovesnoy ataki: prakticheskoe rukovodstvo : per. s nem. / K. Bredemayer. — Moskva : Alpina Biznes Buks, 2005. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Brusenskaya, L. A. Qualification of Insult in the Context of Legal Culture / L. A. Brusenskaya, E. G. Kulikova. — Text : unmediated // Legal Culture. — 2017. — No. 4 (31). — P. 43—50. [Kvalifikatsiya oskorboleniya v kontekste pravovoy kul'tury / L. A. Brusenskaya, E. G. Kulikova. — Tekst : neposredstvennyy // Pravovaya kul'tura. — 2017. — № 4 (31). — S. 43—50]. — (In Rus.)
6. BTRSYaz = Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and the main editor S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : RAS, Inst. of Russian language : Norint, 2007. — Text : unmediated. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl.red. S. A. Kuznetsov. — Sankt-Peterburg : RAN, ILI : Norint, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Galyashina, E. I. Judicial Linguistic Examination in Civil Proceedings: Demand and Competencies / E. I. Galyashina. — URL: <http://industry-prava.rf/article/18841> (date of access: 03.03.2020). — Text : electronic. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: vostrebovanost' i kompetentsii / E. I. Galyashina. — URL: <http://otrasli-prava.rf/article/18841> (data obrashcheniya: 03.03.2020). — Tekst : elektronnyy]. — (In Rus.)
8. Glovinskaya, M. Ya. Hyperbola as a Method and Justification of Speech Aggression / M. Ya. Glovinskaya. — Text : unmediated // Concealed meanings. Word. Text. The culture. — Moscow, 2004. — P. 69—76. [Giperbola kak priem i opravdanie rechevoy agressii / M. Ya. Glovinskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. — Moskva, 2004. — S. 69—76]. — (In Rus.)
9. Golev, N. D. Legal Aspect of Language in Linguistic Coverage / N. D. Golev. — Text : unmediated // Jurislinguistics-1. Problems and prospects. — Barnaul, 1999. — P. 11—58. [Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii / N. D. Golev. — Tekst : neposredstvennyy // Yurilingvistika-1. Problemy i perspektivy. — Barnaul, 1999. — S. 11—58]. — (In Rus.)
10. Golev, N. D. Problems of Expert Qualifications of Independent Form / N. D. Golev. [Problemy ekspertnoy kvalifikatsii neprilichnoy formy / N. D. Golev]. — URL: <https://leksii.org/8-7121.html> (date of access: 03.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
11. Grachev, M. A. Forensic Linguistic Expertise / M. A. Grachev. — Moscow : Flinta, 2016. — Text : unmediated. [Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza / M. A. Grachev. — Moskva : Flinta, 2016. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Izotova, T. M. Methodology for Conducting Judicial Linguistic Examination in Cases of Insult / T. M. Izotova, V. O. Kuznetsov, A. M. Plotnikova. — Text : unmediated // Theory and Practice of Forensics. — 2016. — No. 1. — P. 92—98. [Metodika provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorbolenii / T. M. Izotova, V. O. Kuznetsov, A. M. Plotnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2016. — № 1. — S. 92—98]. — (In Rus.)
13. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O.S. Issers. — Moscow : LCI, 2008. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers. — Moskva : LKI, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. How to Conduct a Linguistic Examination of a Controversial Text? Memo for Judges, Media Lawyers, Lawyers, Prosecutors, Investigators, Interrogators and Experts / ed. prof. M. V. Gorbanevsky. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow : Legal World, 2006. — Text : unmediated. [Kak provedi lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudey, yuristov SMI, advokatorov, prokurorov, sledovateley, doznavateley i ekspertov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva : Yuridicheskiy mir, 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Kara-Murza, E. S. Linguistic Examination as a Procedure of Political Linguistics / E. S. Kara-Murza. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 1 (27). — P. 47—73. [Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki / E. S. Kara-Murza. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 1 (27). — S. 47—73]. — (In Rus.)
16. Kukushkina, O. V. Theoretical and Methodological Foundations of Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. — Moscow, 2011. — Text : unmediated. [Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. — Moskva, 2011. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Culture of Russian Speech : Encyclopedic Dictionary Handbook / ed. by L. Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryayev et al. — Moscow : Science, 2007. — Text : unmediated. [Kul'tura russkoy rechi : entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva i dr. — Moskva : Nauka, 2007. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Kusov, G. V. Judicial Linguistic Examination of "Insults": the Development of Modern Theory and Practice / G.V. Kusov. — Text : unmediated // Russian Judge. — 2011. — No. 9. — P. 15—19. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza «oskorboleniya»: razvitie sovremennoy teorii i praktiki / G. V. Kusov. — Tekst : neposredstvennyy // Rossiyskiy sud'ya. — 2011. — № 9. — S. 15—19]. — (In Rus.)

19. Matveeva, N. O. Insult — Humiliation of Honor and Dignity, Expressed in Indecent Form / N. O. Matveeva. — 2013. — Aug. 22. [Oskorblenie — unizhenie chesti i dostoinstva, vyrazhennoe v neprilichnoy forme / N. O. Matveeva. — 2013. — 22 avg.]. — URL: http://lingva-expert.ru/expert_says/notes_experts/ob-oskorblenii-matveeva-o-n/ (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
20. Murav'eva, N. V. Language of Conflict / N. V. Murav'eva. — Moscow, 2002. — Text : unmediated. [Yazyk konflikta / N. V. Murav'eva. — Moskva, 2002. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
21. Ozhegov, S. I. Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov ; under the editorship of N. Yu. Shvedova. — Moscow : Russian language, 1989. — Text : unmediated. [Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov ; pod red. N. Yu. Shvedovoy. — Moskva : Russkiy yazyk, 1989. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Memo on the Appointment of a Forensic Linguistic Examination: for Judges, Investigators, Prosecutors, Experts, Lawyers and Legal Advisers / ed. prof. M. V. Gorbanevsky. — Moscow : Medea, 2004. — Text : unmediated. [Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy : dlya sudey, sledovateley, doznavateley, prokurorov, ekspertov, advokatov i yuriskonsult'ov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. — Moskva : Medeya, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
23. The Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation: Controversial Media Texts and the Problems of Their Analysis and Assessment by Lawyers and Linguists / ed. A. K. Simonov and M. V. Gorbanevsky. — Ed. 2nd, rev. and add. — Moscow : Medea, 2004. — Text : unmediated. [Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami / pod red. A. K. Simonova i M. V. Gorbanevskogo. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — Moskva : Medeya, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
24. Rogozhnikova, T. M. Suggestion of Verbal Models in a Psycholinguistic Context / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Theory of Language and Intercultural Communication. — Kursk, 2018. — No. 1 (28). [Suggestivnost' verbal'nykh modeley v psikholingvisticheskom kontekste / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Kursk, 2018. — № 1 (28)]. — (In Rus.)
25. Russian Language and Culture of Speech / ed. V. I. Maksimova, A. V. Golubeva. — Moscow, 2008. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i kul'tura rechi / pod red. V. I. Maksimova, A. V. Golubevoy. — Moskva, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
26. Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes / RAS, Institute of Linguistics research ; under the editorship of A.P. Evgenieva. — 4th ed., stereotype. — Moscow : Russian Language : Printing resources, 1999. — Text : electronic. [Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy ; pod red. A. P. Evgen'evoy. — 4-e izd., ster. — Moskva : Russkiy yazyk : Poligrafresursy, 1999]. — URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/khapnut> (date of access: 11.03.2020). — (In Rus.)
27. SODEX: Moscow State Law Academy named after Kutafina. [SODEKS : sayt MGYuA im. Kutafina]. — URL: <http://sodeks.ru/public/fl1.htm> (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic.
28. Sokolova, T. P. Naming Expertise as a New Kind of Linguistic Expertise / T. P. Sokolova. — Text : unmediated // Language and Law. — Moscow, 2015. — P. 69—77. [Neymingovaya ekspertiza kak novyy rod lingvisticheskoy ekspertizy / T. P. Sokolova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i pravo. — Moskva, 2015. — S. 69—77]. — (In Rus.)
29. Stermin, I. A. Insult and Abusive Word Usage: Problems of Delimitation in the Linguistic Examination of the Text / I. A. Stermin. — 2015. — Apr 6. [Oskorblenie i oskorbitel'noe slovoupotreblenie: problemy razgranicheniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta / I. A. Stermin. — 2015. — 6 apr.]. — URL: <http://lingva-expert.ru/articles/Oskorblenie-oskorbitelnoe-slovoupotreblenie/> (date of access: 11.03.2020). — Text : electronic.
30. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow, 2003. — Text : unmediated. [Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva, 2003. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
31. Forensic Psychological Examination. Psychological and Linguistic Examination of Extremist Materials: a teaching aid / comp. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2012. — Text : unmediated. [Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza. Psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskoy napravlenosti : uchebno-metodicheskoe posobie / sost. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
32. Shabanov, M. M. Features of Conducting Judicial Linguistic Examination in Cases of Insult / M. M. Shabanov. — Text : unmediated // Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Social Sciences. — 2010. — No. 2. — P. 175—179. [Osobennosti provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii / M. M. Shabanov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Obshchestvennye nauki. — 2010. — № 2. — S. 175—179]. — (In Rus.)
33. Shelestyuk, E. V. Speech Exposure: Ontology and Research Methodology / E. V. Shelestyuk. — Chelyabinsk : Encyclopedia, 2008. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya / E. V. Shelestyuk. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
34. Shchenikova, E. V. Means of Speech Aggression in Journalism of Zakhar Prilepin / E. V. Shchenikova, E. V. Vologina. — Text : unmediated // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. — 2014. — No. 6. — P. 249—256. [Sredstva rechevoy agressii v publitsistike Zakhara Prilepina / E. V. Shchenikova, E. V. Vologina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. — 2014. — № 6. — S. 249—256]. — (In Rus.)